

литературное

НОВОЕ

обозрение

№ 16 (1995)

ПОЛЕМИКА

Д. П. И в и н с к и й

О ЗАПИСНЫХ КНИЖКАХ КН. П. А. ВЯЗЕМСКОГО

Из заметок на полях одной рецензии

Подготовленное нами издание записных книжек Вяземского¹ вышло в свет с рядом досадных опечаток.

Е. В. Пермяков в своей рецензии на это издание² исчисляет эти опечатки, излагая вместе с тем свои воззрения на некоторые особенности поэтики записных книжек и «Старой записной книжки»³ и предлагая свою «программу» их издания.

Об этих воззрениях, чрезвычайно противоречивых, а также об этой «программе», на наш взгляд, необоснованной, и пойдет главным образом речь в этих заметках⁴.

Но вначале все же несколько слов об издании 1992 года.

1

Обрушивая академическую критику на книгу, выпущенную в популярной серии, Е. В. Пермяков достигает бесспорных результатов в обличении типографских опечаток, но допускает ряд странных неточностей и двусмысленностей, когда говорит о составе издания.

Разумеется, каков бы ни был сей последний, нарекания возможны и, так сказать, законны (отчего *то* включено, а *это* нет). Но в арсенале Е. В. Пермякова встречаются и запрещенные приемы.

Е. В. Пермяков вводит в заблуждение своих читателей, заявляя, что записные книжки, вошедшие в наше издание, были переработаны («перекроены» — сохраняем стиль Е. В. Пермякова) в дневники (Пермяков-1994, с. 269). Это свое мнение он повторяет в одном из примечаний к другой работе: «Само издание представляет собой попытку (заведомо обреченную на неудачу) превратить полижанровый текст Вяземского в дневник. Такая трансформация обусловлена названием серии, в которой вышла книга, — «Русские дневники»» (Пермяков-1995, с. 472). Между тем никакой переработке, «перекройке», «трансформации» тексты записных книжек не подвергались; все они были напечатаны по изданию В. С. Нечаевой (см. Вяземский-1992, с. 343), которое Е. В. Пермяков при-

нает «с текстологической точки зрения» лучшим «на сегодняшний день» (Пермяков-1994, с. 266). Единственное существенное вмешательство в текст подготовленной В. С. Нечаевой книги, допущенное нами, заключается в том, что фрагменты книжек, помещенные исследовательницей в разделах «Примечания» и «Дополнения», были перенесены в основной текст, где, разумеется, и должны находиться. Это решение не вызывает возражений у Е. В. Пермякова. Впрочем, процитируем нашего рецензента: «Инициатива публикатора исчерпывается включением в основной текст фрагментов, вынесенных В. С. Нечаевой в «Дополнения» и «Примечания»» (Пермяков-1994, с. 267).

Но если этим «инициатива» «исчерпывается», то откуда же взялись «трансформации» и «перекройки»? Уж что-нибудь одно: либо «инициатива» была проявлена, либо нет; либо текст был как-то переработан, либо воспроизведен без существенных изменений. Хорошо бы соизволить выбрать что-нибудь одно; Е. В. Пермяков не соизволил, вероятно, полагая, что если выпустить две критические стрелы в противоположных направлениях, одна из них непременно попадет в цель.

* * *

В другом месте своей работы Е. В. Пермяков говорит о сокращениях текста Вяземского, якобы допущенных нами при подготовке записных книжек к печати: «<...> если Л. Я. Гинзбург отбирала фрагменты в основном из VIII тома Собрания сочинений, который объединил в себе фрагменты, литературно обработанные самим Вяземским <...>, то Д. П. Ивинский предлагает читателю сокращенный вариант текста, подготовленного В. С. Нечаевой на основе подлинных, так сказать, «сырых» записных книжек. Поскольку серия, где вышло новое издание, называется «Русские дневники», составитель ограничился десятью книжками, которые, по его мнению, видимо, носят характер «дневниковых» <...>. В результате читатель получает неверное представление о записных книжках, каждая из которых «имела свою особую физиономию, свое особое назначение. Записные книжки не сменяли одна другую при окончании, а служили одновременно долгие годы, причем записи могли вноситься через десятки лет. В один и тот же год Вяземский зачастую вносил запись <...> в две или даже в три книжки, выбирая из них ту, которая по своему назначению более подходила для той или иной записи. Были книжки-альбомы стихов и прозы, книжки путевых заметок, книжки для копирования важных документов, личных или исторических, книжки для дневниковых записей, для выписок из прочитанного и т. д.» (Нечаева 1963, 346)» (Пермяков-1994, с. 266—267).

Приносим извинения читателю за длинную выписку (не последнюю в этих заметках): буквально каждое утверждение Е. В. Пермякова требует пояснений и уточнений.

1. Крайне сомнительна, на мой взгляд, параллель, проведенная Е. В. Пермяковым между изданием Л. Я. Гинзбург и подготовленным нами. Л. Я. Гинзбург, в соответствии со своим пониманием поэтики записных книжек Вяземского⁵, создала, в сущности, новый текст, свободно перекомпоновав материал, взятый как собственно из записных книжек, так и из «Старой записной книжки». В нашем издании печатаются десять записных книжек по изданию В. С. Нечаевой (в это последнее вошло тринадцать книжек) без сокращений с оговоренным выше отступлением от текста этого издания.

2. Замечание Е. В. Пермякова о недопустимости отбора десяти из тринадцати опубликованных В. С. Нечаевой записных книжек имело бы смысл в том случае, если бы записные книжки представляли собой единый текст, одно произведение. Впрочем, судя по всему, Е. В. Пермяков именно так и считает. «Мне уже приходилось писать, — говорит он, —

ссылаясь на свою статью 1993 г., — что здесь мы имеем дело не с одним, а с тремя произведениями Вяземского <...>» (Пермяков-1994, с. 270). Е. В. Пермяков имеет в виду многочисленные записные книжки, публикации «литературно обработанных» выдержек из них, осуществленные Вяземским в 1820-е гг., а также выдержки, опубликованные в 1870-е гг. Каждое из этих произведений, прибавляет Е. В. Пермяков, «отличаясь по материалу, обладает внутренней целостностью» (Пермяков-1994, с. 270). Ср.: «Выдержки из записной книжки», «Старая Записная Книжка» и «Записные книжки» — это три различных текста, со своей структурой и авторской установкой» (Пермяков-1995, с. 468). Итак, Е. В. Пермяков полагает, что записные книжки — это одно произведение, причем отличающееся «внутренней целостностью»⁶.

Высказав это чрезвычайно ответственное суждение, Е. В. Пермяков, однако, не счел нужным подкрепить его какими бы то ни было аргументами (Пермяков-1994, с. 270—271; Пермяков-1995, с. 468).

Поэтому совершенно непонятно, как согласуется утверждением Е. В. Пермякова о «внутренней целостности» записных книжек с утверждением об их «полижанровости» (см. выше). Ведь, как выяснилось, Е. В. Пермяков вполне согласен с В. С. Нечаевой, отметившей, что «каждая из записных книжек Вяземского имела свою особую физиономию, свое особое назначение»⁷.

Во всяком случае у нас нет никаких оснований предполагать, что Вяземский рассматривал свои записные книжки как единый текст, одно произведение⁸. У нас тем более нет оснований предполагать, что он собирался объединить их тексты в один, печатать все книжки вместе и полностью (кажется, не рискуя ошибиться, можем думать противное).

3. Читатель получил бы «неверное представление о записных книжках» в целом в том случае, если бы для нашего издания были отобраны те, состав которых не является достаточно репрезентативным. Между тем в книгу вошли именно те книжки, которые содержат все основные жанровые формы, характерные для записных книжек Вяземского (дневники, анекдоты, списки дел, перечни отправленных и полученных писем, размышления по поводу прочитанного и т. п.). При этом, однако, именно дневниковые записи — одна из основных (а на наш взгляд, основная) форм повествования в большинстве книжек⁹. Вяземский внес свой своеобразный вклад в историю дневникового жанра: этим и было обусловлено решение напечатать записные книжки в серии «Русские дневники».

К тому же важно не только то, что в состав большей части книжек входят тексты различной жанровой природы, но и то, насколько строго разграничиваются жанры, насколько строго они трактуются. Вяземский рассматривал дневник как форму чрезвычайно емкую и, в сущности, не строгую¹⁰. Е. В. Пермяков, кажется, думает иначе: во всяком случае, к такому заключению побуждает еще одно его замечание: «<...> составителем совершенно игнорируется разница между путевыми заметками (а большинство публикуемых текстов принадлежит к этому жанру) и собственно дневником. Последний был начат Вяземским в Петербурге лишь в 1830 г. и находится в 8-й книжке, первоначально предназначавшейся для выписок (ср. Нечаева 1963, 370; Вяземский 1963, 426). Это событие вполне отчетливо было осознано автором, о чем свидетельствует запись от 15. VI. 1830: «Зачем начал я писать свой журнал? Нечего греха таить, от того, что в «Mémoires» <...> о Байроне (Moog <...>) нашел я отрывки дневника его. А меня черт так и дергает всегда во след за великими. Я еще не расписался, или не вписался: теперь пока даже и скучно вести мне свой журнал. Но, впрочем, я рад этой обязанности, давать себе некоторый отчет в своем дне» (Вяземский 1963, 171)» (Пермяков-1994, с. 267). Все верно: разница между «собственно дневником» и путевым дневником, безусловно, существует: жаль только, что Е. В. Пер-

мяков не захотел почему-то ее охарактеризовать¹¹. Между тем это было бы весьма кстати: ведь в другом месте своей работы Е. В. Пермяков называет записные книжки Вяземского «записками» (Пермяков-1994, с. 269) (на наш взгляд, это едва ли не единственный жанр т. н. «документальной прозы», с которым записные книжки Вяземского прямо не соотносятся). Ведь нужны же тут какие-то пояснения: если перед нами записки, то почему большая их часть представляет собой путевые дневники (путевые заметки)? Правда, как мы видели, Е. В. Пермяков уверяет, что записки эти были «перекроены», «превращены» составителем в дневники, или, как теперь выясняется, главным образом в путевые заметки¹². Следует ли из этого, что Е. В. Пермяков, упоминая о путевых заметках (путевых дневниках?), имеет в виду тексты, возникшие в результате этой «перекройки» или этого «превращения»?

Но оставим это. Так или иначе, на наш взгляд бесспорно, что «дорожные» и «домашние» дневники — две разновидности одного жанра¹³; во всяком случае в записных книжках Вяземского они специально никак не разграничивались. Так, скажем, в книжку тринадцатую (по нумерации В. С. Нечаевой) вошел дневник путешествия Вяземского по Англии и Франции в 1838 г., а также, наряду с выписками из писем, прочитанных книг и т. под., дневниковые записи, сделанные в России (Вяземский-1963, с. 243—301). Еще более любопытна книжка 1855 г. (двадцать вторая по нумерации Н. П. Барсукова). В этой книжке находится текст дневника, который был начат Вяземским за границей во время путешествия по Западной Европе и продолжен в Петербурге; при этом характер подачи материала не претерпел никаких изменений (Вяземский, т. X, с. 163—169). Итак, именно Вяземский, не умея предугадать возражений Е. В. Пермякова, «игнорировал разницу» между «путевыми заметками» (путевым дневником) и «собственно дневником»¹⁴.

2

Обратимся теперь к той «программе» издания записных книжек и «Старой записной книжки», которую предлагает Е. В. Пермяков во второй части своей рецензии.

Как мы видели, Е. В. Пермяков считает возможным говорить о трех произведениях Вяземского. «Первое, — читаем в рецензии, — составляют «Выдержки из записной книжки», напечатанные еще в 20-х годах XIX в. Они выходили в повременных беллетристических изданиях; их автор — активный участник современного литературного процесса. Все публикации появились за подписью Вяземского и были снабжены эпиграфом <...>. Их текст, состоящий из фрагментов, по большей части в жанровом отношении представляющих собой «мысли» и «анекдоты», рассчитан на эстетическое восприятие и связан в своем происхождении с французской традицией остроловия. Промежуточное генетическое звено — прозаические опыты 1808—1810 гг., тогда же напечатанные Вяземским в «Вестнике Европы» (они должны быть помещены в приложении к первой редакции «Записной книжки» <...>; так думал и автор, написавший на полях «Безделок»: «Читаль — можно печатать — но, кажется, слѣдовало-бы собрать всѣ эти бездѣлки, замѣтки, выдержки изъ записной книжки и тому подобное, и напечатать все вмѣстѣ, сказавъ въ примѣчаніи, что первыя замѣтки писаны были в 1808 г. Въ *Сѣверныхъ цвѣтахъ* и въ *Телеграфѣ* есть *выдержки* сюда относящіяся. Общее предостереженіе — держаться по возможности тогдашнего *правописанія*, то есть правописанія Карамзина, Жуковскаго, Пушкина а отнюдь не нынешнего» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 930а, л. 1). Разумеется, «Выдержки из записной книжки» и тексты из «Вестника Европы» должны быть изданы по первым публикациям» (Пермяков-1994, с. 270—271).

1. Е. В. Пермяков воспроизводит текст записи Вяземского в рядом неточностей. Во-первых, не оговорена купюра в самом начале этой записи: «Homburg v<or> d<er> Höhe. 1875». Эта дата свидетельствует, что замечание Вяземского относится ко времени начала работы над подготовкой его полного собрания сочинений и, следовательно, может рассматриваться как выражение последней авторской воли. Во-вторых, Е. В. Пермяков неточно воспроизводит орфографию источника. У Е. В. Пермякова: «относящієся». У Вяземского: «относящіяся». У Е. В. Пермякова: «тогдашнего». У Вяземского: «тогдашняго». У Е. В. Пермякова: «нынешнего». У Вяземского: «нынѣшняго». В-третьих, Е. В. Пермяков неточно воспроизводит пунктуацию источника. У Вяземского после слов «*общее предостереж<ен>іе*» стоит двоеточие, а не тире, причем сами эти слова отчеркнуты, следовательно, должны передаваться курсивом; наконец, Вяземский в спешке или по рассеянности пропустил две буквы; Е. В. Пермяков восстанавливает их, но не отмечает конъектуру. Наконец, у Вяземского перед словами «а отнюдь не нынѣшняго» стоит тире, отсутствующее у Е. В. Пермякова (см.: РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 930 а, л. 1).

Итак, на семь строк текста восемь неточностей и одна неотмеченная и неоговоренная купюра. Любопытно, что Е. В. Пермяков специально подчеркивает необходимость переиздания прозы Вяземского «с сохранением орфографии источника, значимость которой специально подчеркивал Вяземский» (Пермяков-1994, с. 271) и элементарные правила которой, судя по всему, неизвестны Е. В. Пермякову: в противном случае он сумел бы расставить окончания на «яго» и поставить старое «ѣ» на место нового «е» даже не вглядываясь пристально в рукопись (точнее, в соответствующий кадр микрофильма — к оригиналу Е. В. Пермяков не обращался).

Нет, мы вовсе не являемся горячими сторонниками известного правила русской критики, сформулированного некогда А. С. Пушкиным¹⁵, и не стали бы говорить об этих неточностях, если бы редакция журнала «Philologica», в которую входит и Е. В. Пермяков, не сочла необходимым специально обосновать «важнейшее формальное требование» «безукоризненно точного сохранения графики, орфографии и пунктуации источника во всех без исключения случаях» («Philologica», с. 275).

2. Е. В. Пермяков путается в элементарных текстологических терминах: охарактеризовав выдержки из записной книжки, опубликованные Вяземским в 1820-е гг. как самостоятельное произведение, обладающее «внутренней целостностью» (Пермяков-1994, с. 270), он тут же называет эти публикации «первой редакцией «Записной книжки»» (там же). Между тем любой учебник по текстологии мог бы сообщить Е. В. Пермякову, что вопрос о различных редакциях одного текста не может смешиваться с вопросом об установлении текстов различных произведений.

3. Е. В. Пермяков, к сожалению, не всегда помнит о некоторых работах своих предшественников. Если именно он, как кажется, является единственным и законным автором остроумного предположения о том, что «Выдержки из записной книжки» и выдержки из книжек, печатавшиеся Вяземским в 1870-е гг., — это разные произведения, то заслугу разграничения выдержек из книжек, публиковавшихся Вяземским в разные годы (и составивших в конце концов «Старую записную книжку»), и его рукописных записных книжек он приписывает себе (ср. выше: «Мне уже приходилось писать <...>»; ср. также: Пермяков-1995, с. 466) напрасно. Все же это было сделано В. С. Нечаевой, которая впервые напечатала часть записных книжек Вяземского в том виде, в каком они сохранились в Остафьевском архиве¹⁶, и которая — «во избежание возможного недоразумения» — подчеркивала в своей статье, приложенной к этому изданию: «Это не переиздание «Старой записной книжки», которую публиковал сам автор в разных журналах отрывками, позднее собранными и перепечатанными в

восьмом томе его Полного собрания сочинений. Это публикация архивных материалов, подлинных записных книжек, впервые воспроизводимых в полном и систематическом виде» (Вяземский-1963, с. 352—353). Издание В. С. Нечаевой со всей очевидностью продемонстрировало, что «Старая записная книжка» — это не просто сокращенный текст записных книжек, не просто собрание выдержек из них. В. С. Нечаева показала, что, подготавливая к печати эти выдержки, Вяземский чаще всего менял их композицию и стиль, подвергая их в то же время смысловой переработке; при этом «едва ли пятая часть» записей осталась в первоначальном виде (см.: Вяземский-1963, с. 352—355). Эти наблюдения В. С. Нечаевой (Е. В. Пермяков ничего нового к ним не прибавил) были замечены рецензентами подготовленного ею издания. Так, М. И. Гиллельсон в своей рецензии подчеркивал, что текст записных книжек Вяземского «<...> в их первоизданном виде является интереснейшим историко-литературным памятником своей эпохи, коренным образом отличающимся от прижизненных публикаций» (Гиллельсон-1963, с. 233).

Издание В. С. Нечаевой показало также, что не все записи, сделанные Вяземским в книжках, рассматривались им как пригодные для печати. Конечно, он никогда не предполагал печатать многочисленные перечни отправленных писем, частные адреса, рисунки, списки дел, «назначенных к исполнению», библиографические отметки, большую часть выписок из прочитанных книг и т. п. Печати предавались главным образом исторические и литературные анекдоты, остроумные замечания и «характеристические» разговоры, мемуарные заметки, впрочем, часто тяготеющие к форме анекдота. Итак, жанровый диапазон печатных выдержек из записных книжек был значительно уже, чем в «подлинных» этих книжках¹⁷.

Прибавим к этому, что если в последних преобладает хронологический принцип, то в печатных выдержках он не играет существенной роли. Несвязанность их материала хронологией позволяла создать впечатление постепенного и многообразного дополнения и усложнения той картины русской жизни, которую создавал Вяземский. Неполнота этой картины была бы слишком очевидной при последовательной циклизации и хронологической выдержанности. Свободная композиция, фрагментарность повествования, наоборот, указывала на возможность полноты.

Наконец, в подлинных книжках собрано большое количество литературных материалов — стихи разных поэтов, историко-литературные документы (например, материалы, связанные с работой Вяземского над книгой о Фонвизине), письма; все это, конечно, не могло найти себе места в «Старой записной книжке». Вместе с тем чрезвычайно важно, что записные книжки служили Вяземскому своего рода сборниками, из которых он черпал материалы для книги «Фон-Визин», для мемуарных статей своих, для «Выдержек из старых бумаг Остафьевского архива». «Старая записная книжка» — только одно звено в этой цепи; записные книжки породили не один, а несколько очень разных текстов (разумеется, в каждом конкретном случае характер работы Вяземского с книжками должен рассматриваться отдельно).

Все сказанное, конечно, только подтверждает наблюдения В. С. Нечаевой. Но «Старая записная книжка» и рукописные записные книжки — это не просто разные произведения. Кажется, не будет натяжкой утверждение, что перед нами разные типы текстов: записные книжки, в отличие от «Старой записной книжки», не являются собственно литературным произведением; они лишь послужили материалом для создания такового*.

* Вместе с тем не можем согласиться с Е. А. Кургановым, который в своей по многим отношениям примечательной книге о русском литературном анекдоте предлагает рассматривать записные книжки просто как черновики «Старой записной книжки» (Курганов Ефим. Литературный анекдот пушкинской эпохи: Диссертация на соискание ученой степени доктора философии/Slavica Helsingiensia. <Vol.> 15. Helsinki, 1981. С. 142—144).

К тому же не все тексты, которые Вяземский в конце жизни намеревался включить в полное издание своей «Старой записной книжки», восходят к записям в книжках.

Это относится прежде всего к циклу заметок, опубликованных Вяземским в «Вестнике Европы» в 1808—1810 гг. под заглавием «Безделки»¹⁸.

Е. В. Пермяков, как мы видели, намеревается печатать этот цикл «в приложении» к тексту «Выдержек...», опубликованных Вяземским в 1820-е гг., ссылаясь на приведенное им замечание Вяземского, сделанное на полях рукописной копии «Безделок».

Текст этого замечания Е. В. Пермяков интерпретирует неверно: Вяземский ничего не говорит о возможности печатать «Безделки» в приложении к выдержкам из записных книжек — тем более в приложении к их «первой редакции». Наоборот, он подчеркивает, что необходимо «собрать все <...> безделки, заметки, выдержки из записной книжки» (курсив наш. — Д. И.). Все — т. е. публикации как 1810-х, 1820-х, так и 1870-х гг. Подчеркнем, что Вяземский говорил это в 1875 г., когда создавался проект издания его Полного собрания сочинений и когда не было надобности напоминать (в особенности Н. П. Барсукову, для которого и предназначалась заметка) о бартеневских публикациях. Но была необходимость напомнить будущим издателям (и в первую очередь Барсукову) о выдержках из записных книжек, напечатанных в 1820-е гг. («В Северных цветах и в Телеграфе есть выдержки сюда относящиеся»).

Замысел собрать и напечатать вместе выдержки из записных книжек возник у Вяземского не позднее 1873 г. 5/17 октября 1873 г. он писал к Бартеневу: «Я не прочь отпечатать особою книжкою старую тетрадь и приложить к ней старые выдержки из разных журналов старых, альманахов и все что у Вас напечатано из Остафьевского архива»¹⁹. Итак, в это время Вяземский рассматривал возможность не только собрать воедино выдержки из книжек, напечатанные Бартеневым, а также в прошлые годы, но и присоединить к ним «Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива».

Просматривая в 1875 г. рукописные копии «Безделок», «Выдержек...» 1820-х гг. и выдержек из записных книжек, помещенных в бартеневских изданиях в 1870-е гг., Вяземский неоднократно и недвусмысленно выражал пожелания печатать эти фрагменты вместе. Одно из пожеланий такого рода и привел Е. В. Пермяков. Были и другие, не менее показательные.

В первой половине ноября 1875 г. Вяземский пишет к Барсукову и между прочим замечает: «В <<Вестнике Европы>> 1807—8го и 9го года²⁰ должны быть напечатаны разные мои отметки, выписки, под заглавием *безделки*. Имеются ли оне в виду? — Там же разные выписки из франц<узского> писателя Ривароля»²¹. Вероятно, Вяземский и позднее спрашивал Барсукова о судьбе «Безделок»; так или иначе, последний в письме к Вяземскому от 23 марта 1876 г. сообщал: «“Безделки” (1808) отнесены в Записную книжку, которая составит отдельный том. Я уже приступил к составлению необходимых библиографических замечаний, которые поместятся в конце тома. По мере накопления их позвольте присылать к Вам тетради с оными на Ваше воззрение и утверждение»²². Таким образом, принимая решение открыть «Старую записную книжку» «Безделками», Барсуков руководствовался указаниями Вяземского.

Просмотрев рукописную копию «Выдержек из записной книжки», напечатанных некогда в «Московском телеграфе»²³, Вяземский написал на полях: «Читал — можно печатать вместе с другими выдержками»²⁴. Тот же мотив объединения выдержек из записной книжки в единое целое звучит и в записи на полях рукописной копии другой публикации в том же «Московском телеграфе»²⁵: «Читал — можно печатать. Кажется иное перепечатано в старой тетради в архиве. Нужно проверить. Все выдержки

должны быть собраны в одно целое»²⁶. Такого же рода помету находим на полях копии «Выдержек...», опубликованных в «Литературном Музее» В. В. Измайлова²⁷: «Читал — можно печатать в общем отделении выдержек»²⁸. Наконец, отметим замечание Вяземского на полях копии «Выдержек...», увидевших свет в «Северных цветах на 1829 год»²⁹: «Читал — можно печатать вместе с другими выдержками, — под одним общим заглавием. Кажется, есть тут повторения одних и тех же анекдотов, острых слов и проч. Но это не беда»³⁰.

Эти (и подобные) замечания Вяземского и имел в виду Барсуков, составляя восьмой том его Полного собрания. Любопытно, что, просматривая свои старые публикации, Вяземский последовательно вычеркивал как перенесенные переписчиком в рукопись название журнального отдела «Смесь»³¹, эпиграфы³², так и заголовки журнальных публикаций: в копии заметок из «Вестника Европы» вычеркивается заглавие «Безделки»³³, в копиях публикаций 1820-х гг. — заглавие «Выдержки из записной книжки»³⁴. Это обстоятельство лишний раз подтверждает намерение Вяземского объединить все фрагменты в одно целое: потому и не нужны заглавия отдельных публикаций, что все они будут напечатаны «под одним общим заглавием».

Отметим еще, для полноты картины, что в 1876 г. Вяземский какое-то время рассматривал возможность печатать «Старую записную книжку» отдельно. 21 марта/2 апреля 1876 г. он писал Барсукову:

«Полагаю, что до полного издания меня, не худо было-бы отпечатать отдельною книжкою мою старую записную книжку. Из всего что есть в архиве (т. е. напечатано в журнале «Русский архив». — Д. И.) выйдет порядочный том. А у меня в запасе есть еще дополнение к нему. Это был-бы род закуски перед обедом. Вы могли-бы исподволь сортировать статьи и сделать к ним алфавитный список по заглавиям имен, предметов, с таким например распределением:

биографические,
анекдотические,
литературные,
житейские, или общие,

что-нибудь в роде того, что Вы сделали для Храповицкого³⁵. Тех же щей да пожиже. Разумеется исторических пояснений не нужно. Одно оглавление голословное, но несколько систематическое. Что Вы на это скажете? Буду ждать ответа»³⁶.

Итак, как следует из приведенных замечаний Вяземского 1873—1876 гг., и вопреки утверждениям Е. В. Пермякова, в состав «Старой записной книжки» должны входить «Безделки» 1808—1810 гг., «Выдержки из записной книжки» 1820-х гг. и публикации 1870-х гг. При этом, конечно, необходимо придерживаться хронологического принципа: свободу систематизировать заметки Вяземского предоставлял Барсукову, не нам; к тому же, скорее всего, рассчитывая в дальнейшем просмотреть и утвердить его труд, к сожалению, неисполненный³⁷. Отдельного рассмотрения требует вопрос о возможности включения в текст «Старой записной книжки» статьи «Нечто о Ривароле» (как мы видели, Вяземский допускал такую возможность), фрагмента из «третьей» (по нумерации В. С. Нечаевой) записной книжки, помещенного в «Литературной газете»³⁸ и напечатанного Барсуковым среди критических статей Вяземского (Вяземский, т. II, с. 150—151); необходимо также уточнить, как рисовалось Вяземскому соотношение «Старой записной книжки» и «Выдержек из старых бумаг Остафьевского архива» (впрочем, насколько нам известно, высказав в письме к Бартеневу от 5/17 октября 1873 г. (см. выше) предположение о возможности напечатать эти памятники вместе «особою книжкою», Вяземский не возвращался более к этой идее).

4. Совершенно необоснованным представляется высказанное Е. В. Пермяковым в категорической форме утверждение о необходимости печатать

«Выдержки...» 1820-х гг. и «Безделки» «по первым публикациям». На наш взгляд, подобный вывод мог бы быть сделан только на основе специального сопоставления текстов этих первых публикаций с текстом Полного собрания сочинений Вяземского; между тем подобное сопоставление, сколько знаем, никем до сих пор не предпринималось и остается делом будущего.

Здесь отметим лишь, что в восьмом томе собрания сочинений Вяземского указанные тексты вовсе не просто перепечатывались «без каких-либо изменений», как считает Е. В. Пермяков (Пермяков-1994, с. 265): в ряде случаев они дополнялись Вяземским, успевшим их пересмотреть, подвергались стилистической правке.

Так, например, существенной правке подвергся текст, напечатанный впервые в «Северных цветах на 1827 год» (далее: СЦ). Большая часть этой правки приходится на заметку «Музыка и живопись». СЦ: «<...> живопись <...> действует преимущественно на память» (с. 147—148). Вяземский, т. VIII: «<...> живопись <...> действует преимущественно на память, уподоблением с тем, что есть и что мы видели или могли видеть» (с. 11). СЦ: «Первая <...> покорила определенным формам и всеобъемлюща» (с. 148). Вяземский, т. VIII: «Первая <...> покорила определенным формам, но по существу своему она всеобъемлюща» (с. 11). СЦ: «Ноты цифры ее, соображение строев математика <...>» (с. 148). Вяземский, т. VIII: «Ноты цифры ее, соображение строев, созвучий, математика их <...>» (с. 11). СЦ: «Живопись сначала была ремеслом» (с. 148). Вяземский, т. VIII: «Живопись была сначала ремеслом» (с. 11). СЦ: «<...> сошла в искусство <...>» (с. 148). Вяземский, т. VIII: «<...> сошла она в искусство <...>» (с. 11). СЦ: «<...> стоны соловья <...>» (с. 148). Вяземский, т. VIII: «<...> звучные и томные переливы соловья <...>» (с. 11). СЦ: «Ей не хотелось передать свои чувства другому, а не могла она утаить их <...>» (с. 150). Вяземский, т. VIII: «Ей нет потребности передать свои чувства другому, она просто не могла утаить их <...>» (с. 12). СЦ: «<...> упражнение, более независимое от обстоятельств, более времени убивающее, и следовательно <...>» (с. 150). Вяземский, т. VIII: «<...> упражнение, более независимое от обстоятельств, удобнее, чтобы провести или, как говорится, убивать время, следовательно <...>» (с. 12). СЦ: «<...> в поэзии много свойств живописи совершенно чуждых, а с музыкою сродных» (с. 152). Вяземский, т. VIII: «<...> в поэзии много свойств живописи и музыки» (с. 13). СЦ: «<...> музыка одна и нераздельная <...>» (с. 152). Вяземский, т. VIII: «<...> музыка одна и нераздельна <...>» (с. 13). СЦ: «<...> ничего не выговаривает и все говорит <...>» (с. 153). Вяземский, т. VIII: «<...> ничего не выговаривает и все выражает <...>» (с. 13). В СЦ эта заметка заканчивалась словами: «Мы ищем нового мира, и вожатый, далее водящий по сей тайной области, есть вернейший любимец души нашей» (с. 154). В т. VIII после этих слов следует: «Этот вожатый, этот увлекатель и есть музыка. Ангелы, херувимы, серафимы, в горних пределах, не живописуют силы Божией, а воспевают ее. Если пришлось бы подвести искусства под иерархический порядок, вот как я распределил-бы их: 1-я Музыка, 2-я Поэзия, 3-е Ваяние, 4-е Живопись, 5-е Зодчество» (с. 13—14).

Подвергся существенным изменениям и текст других заметок, вошедших в эту публикацию. Продолжаем нашу сводку. СЦ: «<...> в чистом <...>» (с. 155). Вяземский, т. VIII: «<...> в чистом и тихом <...>» (с. 14). Текст следующей, шестой по общему счету заметки (кстати сказать, если в СЦ заметки пронумерованы, то в изд. Вяземский, т. VIII нумерация снята) был дополнен почти наполовину. СЦ: «Откровенная женщина говаривала: люблю старшего своего племянника за то, что он умен: меньшего, хотя он и глуп, за то, что он мой племянник» (с. 155). В изд. Вяземский, т. VIII за этим следует: «Так любим мы свои способности и неспособности, духовные силы и немощи, добрые качества и пороки. Порок, каков он ни есть,

все-же наш племянник» (с. 14). Другая заметка. СЦ: «<...> биографы сатириков ограждают божбами их совести от подозрений в злости и стараются читателей удабривать в пользу их. Не все ли равно распинаться за хирургов в том, что они не кровожадные душегубцы. Клеветник убийца: но сатирик оператор <...>» (с. 156). Вяземский, т. VIII: «<...> биографы сатириков ограждают божбами совесть их от подозрений в злости и стараются задобривать читателей в пользу своих литературных клиентов. Не все ли равно распинаться за хирурга в том, что он не кровожадный истязатель и душегубец; но сатирик оператор <...>» (с. 14). В другой заметке: «<...> граф Р.» (СЦ, с. 157). Вяземский, т. VIII: «<...> граф Ростопчин» (с. 15; инициалы раскрываются в собрании сочинений и при перепечатке публикаций из других изданий 1820-х гг.). Еще заметка, существенно дополненная. В СЦ она заканчивалась словами: «Многие классики не столько радуются творению своему, как тому, что оно создано по образу и подобию Аристотеля» (с. 158). В изд. Вяземский, т. VIII после этих слов следует: «Один врач говорил про своего умершего пациента: он не выздоровел, но, по крайней мере, умер при всех условиях и предписаниях науки» (с. 15). И последнее разночтение в этом ряду. СЦ: «И овцы целы и волки сыты, было в первый раз сказано лукавым волком, или подлою овцею» (с. 158). В изд. Вяземский, т. VIII дополнение: «<...>, или нерадивым пастухом» (с. 16).

На каком основании должны мы отвергать все эти дополнения и поправки? Еще раз подчеркнем, что мы привели сводку изменений текста лишь одной публикации: на самом деле подобных переделок, разумеется, значительно больше. Чрезвычайно важно, что в процессе подобных переработок или доработок публикаций 1820-х гг. Вяземский мог исправлять и допущенные некогда «технические» недочеты. Так, текст, напечатанный в «Северных цветах на 1829 год» явно дефектный: тематически не связанные друг с другом заметки в этой публикации не были отделены друг от друга графически, что, разумеется, затрудняло восприятие этого текста (с. 218—230). В изд. Вяземский, т. VIII деление текста на фрагменты восстановлено (с. 18—23).

Приведенные примеры, как кажется, красноречиво свидетельствуют о необходимости отвергнуть предложение Е. В. Пермякова печатать «Выдержки из записной книжки» по первым публикациям. То же относится и к «Безделкам» 1808 г., которые также подверглись правке (впрочем, незначительной), и даже к бартеневским публикациям семидесятых годов. Впрочем, на наш взгляд, недостаточно ограничиваться простым воспроизведением текста восьмого тома Полного собрания сочинений: канонический текст «Старой записной книжки» может быть установлен, разумеется, лишь в результате критического пересмотра всех его источников — как печатных, так и рукописных.

* * *

Посмотрим теперь, как характеризует Е. В. Пермяков публикации выдержек из записных книжек, предпринятые Вяземским в 1870-е гг. «Для читателей 60—70-х годов, — читаем в рецензии Е. В. Пермякова, — «Старая записная книжка» имела прежде всего историческое значение. Задачи эстетические не отменяются (неслучайно автор занят тщательной отделкой записей), однако главной оказывается установка на восприятие текста как мемуарного документа. Поэтому публикация осуществляется в архивных изданиях, без подписи автора и без эпитафии» (Пермяков-1994, с. 271; ср.: Пермяков-1995, с. 467).

Оставляем в стороне вопрос о целесообразности противопоставления «эстетических задач» и «исторического значения» выдержек из старой записной книжки. Однако отметим, что все же совершенно непонятно,

каким образом «установка на восприятие текста как мемуарного документа» могла обусловить решение Вяземского печатать эти выдержки без эпиграфа; неужто Е. В. Пермяков не знает мемуаров, которым предпосылался эпиграф? Совершенно непонятно также, каким образом указанная «установка» могла обусловить отсутствие подписи автора. Подписывал же Вяземский полной подписью свои мемуарные статьи, печатавшиеся в том же «Русском архиве»³⁹.

Впрочем, причины, по которым Вяземский настаивал на анонимности публикаций выдержек из записной книжки в 1870-е годы, лишь отчасти могут быть выявлены или реконструированы. Во всяком случае, их было несколько. В письме Вяземского к Бартеневу от 12 апреля 1872 г. читаем: «Я часто диктовал небрежно и даже не охотно, чтобы скорее дело с рук свалить. А потому еще более не хочу явиться пред публикою ответственным хроникером. А пускай за все отвечает Саратовский благодетель⁴⁰, которого прошу не выдавать, и отстаивать на живот и на смерть»⁴¹. Как видим, в этом письме Вяземский сделал все возможное для того, чтобы подчеркнуть свое нежелание выступить в роли «ответственного хроникера», не устающего составлять «мемуарные документы»; отсутствие подписи при этом может рассматриваться именно как один из способов осложнить эту роль, выделить в ней игровой момент, может быть, даже и выйти за ее рамки. Другую версию находим в письме Вяземского к Барсукову от 14/26 марта 1873 г.: «Я не скрываю себя, но не хочу видеть имя свое в печати, пока я за границею, во избежание полемики в случае необходимости»⁴². Наконец, напомним замечание Вяземского из его письма к Бартеневу от 30 апреля/12 мая 1873 г.: «Не желаю видеть имя мое в печати. Отсутствующему и больному как-то неловко вмешаться в толпу. Вероятно, многие меня узнают. Но это другое дело. Я все таки остаюсь под защитою и неприкосновенностью маски. А в наши дни, едва-ли можно как и честной женщине являться без маски в Публичный наш литературный Маскарад»⁴³. Не обязательно, подчеркнем, принимать все эти признания Вяземского за чистую монету: скажем, указания его на свою литературную «небрежность» как-то слишком напоминают характерную и уже в 1820-е гг. никого не вводившую в заблуждение условную формулу, как бы совершенно неизбежную для всякого автора, вышедшего из школы карамзинизма и усвоившего маску склонного к мистификациям дилетанта (при том, разумеется, что под этой маской мог скрываться и расчетливый профессионал). Указание Вяземского на нежелание компрометировать свое имя, выставляя его в современных журналах, — также, скорее всего, в первую очередь отговорка: как уже говорилось, в «Русском архиве» Вяземский не раз имя свое тиснению предавал.

Так или иначе, отметим, что мистификация, к которой прибег Вяземский, оттеняет чрезвычайно любопытную особенность «Старой записной книжки». Если это произведение — мемуары («мемуарный документ»), то едва ли не уникальные (ср., впрочем, «Мелочи из запаса моей памяти» М. А. Дмитриева): это мемуары, в коих почти не фигурирует их автор⁴⁴, который по закону жанра должен был бы предстать в роли главного действующего лица. Кстати сказать, это обстоятельство и позволило некоторым современникам догадаться, кто был автором «Старой записной книжки». Одним из них был Я. К. Грот. В письме его к Бартеневу от 1 августа 1872 г. читаем: «<...> я к сожалению очень мало прочел из «19 века». Что касается до Записок неизвестного, то я как скоро остался с ним наедине, угадал, кажется, автора. Во 1-х выдержки (слово им употребляемое и здесь) из этой «Записной книги» печатались уже в 1820-х годах, хотя впрочем другие, во 2-х, автор в 1812 году был в Вологде; в 3-х, он служил в Варшаве; в 4-<->х, имя его ни разу не упомянуто в Записной книге; в 5-х... Да что продолжать? я думаю, Вы и так видите, что я догадался»⁴⁵.

Не менее важно, что в «Старой записной книжке» отсутствует и сколько-нибудь отчетливая граница между биографией Вяземского и событиями, которые не могли иметь к ней прямого отношения: Вяземский часто говорит о происшествиях и разговорах, свидетелем или участником которых он не был и быть не мог⁴⁶; он передает чужие рассказы, делает выписки из записок, составлявшихся различными лицами, и комментирует эти выписки. Он не просто пишет мемуары: он создает «<...> свою Россияду не героическую, не в подрыв херасковской <...>, а Россияду домашнюю, обиходную» (Вяземский, Т. VIII, с. 340)⁴⁷. Перед нами мемуары, составленные не из «внешних» событий частной биографии (продвижения по службе или отставки, перечни литературных успехов или поражений и т. п.): в этих мемуарах место подобных событий занимают остроумные замечания в разговорах или в прочитанных книгах. Перед нами мемуары, в которых место *дел* заняли *слова* («слова поэта суть уже его дела») и которые сохранили непреднамеренность и прихотливую непредсказуемость устного живого разговора.

Наконец, уж никак не могла все та же «установка на восприятие» обусловить решение печатать выдержки в «архивных изданиях»: совершенно ясно, что Вяземский в значительной мере вынужденно печатался у Бартенева в «Русском архиве»⁴⁸: других близких ему по духу журналов, в которых захотел бы печататься он и которые захотели бы печатать его, в 1870-е гг. практически не было. Заметим здесь же, что, как известно, и «читатель 60—70-х годов» обнаруживал весьма небольшой интерес к сочинениям Вяземского, в чем последний полностью отдавал себе отчет, сожалея при этом, кажется, лишь о немногих «своих» читателях, которых довелось ему пережить. Вот, например, что писал Вяземский к Бартеневу, узнав о смерти М. Н. Лонгинова: «Мне сердечно жаль Лонгинова. Между прочим и потому, что потерял я с ним одного из малого числа читателей моих, т. е. из числа тех, для которых пишу. И в хорошую пору свою я считал этих читателей десятками — на половину из женского пола — и никогда не имел в виду почтеннейшую и глупейшую публику»⁴⁹. О том же говорил Вяземский и в «Автобиографическом введении» к Полному собранию сочинений: «Поверят ли мне или нет, но утверждаю, что собственно для публики я никогда не писал. Когда я с пером в руке, она мне и в голову не приходит. <...> Преимущественно писал я всегда для себя, а потом уже для тесного кружка избранных <...>» (Вяземский, т. I, с. XLI—XLIV). Это, конечно, не просто мистификация, опирающаяся на практику карамзинизма, это принципиальная позиция, которой Вяземский оставался верен всю свою авторскую жизнь. Вполне допустимо, что он и в самом деле не рассчитывал на внимание большинства современников и, более того, меньше всего склонен был учитывать их восприятие: «<...> на вызов издать написанное мною и разбросанное по журналам отвечал я: «Теперь поздно и рано». *Поздно* — потому, что железо остыло, а должно ковать железо, пока оно горячо, то есть пока участие читателей еще живо и сочувственно <...>. *Рано* — потому, что не настала еще пора, когда старое так состарится, что может показаться новым и молодым» (Вяземский, т. I, с. II). Итак, Вяземский — если ему верить — рассчитывал не столько на современников, сколько на потомков. Об этом свидетельствует и письмо его к Бартеневу в марте 1874 г.: «Вы говорите: *к сожалению мысль Пушкина о собрании моих критических статей не состоялась.* (стра<ница> 445 ⁵⁰.) Кто-же мешает Вам? Возьмитесь за это дело с Барсуковым, или сами, а я напишу пояснение, кое-что исправлю и выдет книга. Можно прибавить и мои последние писания в этом роде. Я рад присутствовать при обряде похорон своих. На настоящее не надеюсь. Но в моем *бывшем* есть залого *будущего*. Со временем меня помянут, я в этом уверен. Потому что во мне худо иль хорошо, а все что нибудь да сказано. Есть ядрышко, вкусное-ли, горькое-ли, здоровое, или несколько

тронутое да есть. А во всех нынешних пыпиных кроме фразеологии, тупого, да еще и заимствованного либерализма ничего нет»⁵¹.

* * *

Завершаем на этом наши заметки, не задаваясь целью составить перечень фактических ошибок, допущенных Е. В. Пермяковым⁵²; воздерживаемся и об общих его оценках мнений и методов. Не станем даже припоминать, обстоятельства, при которых NN где-то сказал о различии опечаток типографских и, так сказать, мысленных: никто, конечно, не застрахован ни от тех, ни от других. Заметим только, что, на наш взгляд, наступательная решительность строгого обличителя чужих опечаток должна все же подкрепляться по крайней мере его способностью совершить меньшее число своих.

Примечания

- 1 *Вяземский П. <А.>* Записные книжки. М.: Русская книга, 1992 (серия «Русские дневники»). Далее: Вяземский-1992.
- 2 *Philologica*. 1994. Т. I. № 1/2. С. 265—273. Далее: Пермяков-1994.
- 3 Во избежание недоразумений сразу оговоримся, что под «Старой записной книжкой» в настоящих заметках понимается текст, составленный в 1875—1877 гг. Н. П. Барсуковым по прямым указаниям Вяземского. В состав этого текста вошли «Безделки» (впервые: Вестник Европы. 1808. № 24. С. 258—261), «Выдержки из записной книжки» (Московский телеграф. 1826. Ч. XII. С. 37—42; 1827. Ч. XIV. С. 90—95; Северные цветы на 1827 год. Спб., 1827. С. 146—158; Литературный Музеум на 1827 год. М., 1827. С. 282—289; Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828. С. 218—230), а также выдержки из записных книжек, печатавшиеся Вяземским в 1870-е гг. в изданиях П. И. Бартенева под заглавиями «Старая записная книжка. Начата в 1813 году, в Москве» (Девятнадцатый век. Кн. 2. М., 1872. С. 219—296; см. также «Замечания на вторую книгу Девятнадцатого Века»: Русский архив (далее: РА). 1872. Кн. 2. Стб. 2251—2252), «Еще выдержки из Старой Записной Книжки» (РА. 1872. Кн. II. Стб. 2252—2261), «Из Старой Записной Книжки начатой в 1813 году» и просто «Из Старой Записной Книжки» (РА. 1873. Кн. I. Стб. 0832—0846, 1017—1048; 1874. Кн. I. Стб. 173—202, 467—496, 1337—1357; Кн. II. Стб. 186—208; 1875. Кн. I. С. 54—76, 196—218, 295—310, 468—477; Кн. II. С. 99—110, 173—181; 1876. Кн. III. С. 155—161; 1877. Кн. I. С. 511—518; Кн. II. С. 221—227) и «Выдержки из Старой Записной Книжки, начатой в 1813 году» (РА. 1873. Кн. II. Стб. 1783—1795, 1968—1993, 2139—2160; 1875. Кн. III. С. 439—455; 1876. Кн. I. С. 60—70, 199—206; Кн. II. С. 200—218, 417—426; Кн. III. С. 59—64). Подлинные записные книжки Вяземского, не предназначавшиеся им для публики, печатались в изд.: Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского/Изд. графа С. Д. Шереметева <далее: Вяземский>. Т. IX—X. СПб., 1884—1886; Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848)/Изд. подг. В. С. Нечаева. М., 1963 (далее: Вяземский-1963).
- 4 В ряде случаев нам придется обращаться и к статье Е. В. Пермякова «О генезисе «Записных книжек» П. А. Вяземского» (Лотмановский сборник. <Т.> I. М., 1995. С. 463—475; далее: Пермяков-1995).
- 5 «<...> система «Старой Записной Книжки» позволяет отбрасывать и перемещать материал не нарушая принципа построения» (<Гинзбург Л. Я.> Предисловие. — *Вяземский П. <А.>* Старая записная книжка. Л., 1929 (далее: Вяземский-1929). С. 5).
- 6 Любопытно, что Е. В. Пермяков, в поисках заглавия для этого «целостного текста», перенимает у ряда своих предшественников допущенную ими неточность, закавычивая название повествовательной формы, в которой работал Вяземский:

- «Записные книжки» (ср. заглавие статьи Е. В. Пермякова 1995 г.). Заглавие отыскано; правда, оно принадлежит не Вяземскому.
- 7 Любопытно также, что на той же самой странице своей статьи, где Е. В. Пермяков называет записные книжки одним из трех текстов «со своей структурой и авторской установкой», он отмечает, что «рукописный текст «Записных книжек» <...> не представляет собой чего-то единого, каждая из книжек обладает своим назначением и содержанием» (Пермяков-1995, с. 468; ср.: Пермяков-1994, с. 270; непременно ср. также: Вяземский-1963, с. 346, 357—359; на наш взгляд, впрочем, мнение В. С. Нечаевой, которое, как видим, разделяет Е. В. Пермяков, в целом справедливо, но нуждается в некотором уточнении: книжки могли менять свое назначение по ходу работы Вяземского с ними (Вяземский-1992, с. 5; ср., впрочем: Вяземский-1963, с. 370)).
 - 8 Не говорим уже о том, что до сих пор не предпринималось попыток установить канонический текст записных книжек. Ср.: *Гиллельсон М. <И.> Оппозиционер или фрондер.* — Русская литература. 1963. № 4 <далее: Гиллельсон-1963>. С. 232.
 - 9 Не случайно М. И. Гиллельсон назвал записные книжки Вяземского «дневниковой летописью» (*Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество.* Л., 1969. С. 359; ср.: Гиллельсон-1963, с. 232, 235).
 - 10 Показательно, например, что он был готов уподобить дневнику свой эпистолярный. Продолжим приведенную Е. В. Пермяковым цитату из дневника Вяземского 1830 г. (Пермяков-1994, с. 267; см. также ниже): «Я еще не расписался, или не вписался: теперь пока даже и скучно вести мне свой журнал. Но, впрочем, я рад этой обязанности, давать себе некоторый отчет в своем дне. Между тем и письма мои к жене род журнала» (Вяземский-1963, с. 171). Любопытно, что и для А. И. Тургенева, одного из ближайших друзей Вяземского, не существовало какой-то резкой границы между письмами и дневником (см.: *Сабуров А. А. Александр Тургенев. — Письма Александра Тургенева к Булгаковым.* М., 1939. С. 10; *Гиллельсон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство. — Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.).* М.; Л., 1964. С. 502).
 - 11 См.: Пермяков-1994, с. 267; Пермяков-1995, с. 466—468. Не вполне понятно также, усматривает ли Е. В. Пермяков разницу между понятиями «путевые заметки» и «путевые дневники».
 - 12 Таким образом выясняется, что Е. В. Пермяков иногда забывает свои же настоятельные предположения о недопустимости «игнорировать разницу» между этими жанрами.
 - 13 Понимание этого факта обусловило соответствующую издательскую практику: чаще всего путевые и «обычные» дневники печатаются вместе под одним общим заголовком, причем не только в популярных, но и в академических изданиях (приведем лишь один, последний по времени пример: недавно в серии «Литературные памятники» вышла в свет подготовленная Я. Л. Левкович книга «А. С. Пушкин. Дневники. Записки» (СПб. 1995). Кавказский дневник Пушкина здесь помещен среди прочих). Во всяком случае не видим оснований для пересмотра подобной практики.
 - 14 Отметим еще — как бы в скобках — что на самом деле из приведенной Е. В. Пермяковым цитаты никак не следует, что Вяземский действительно считает дневник 1830 года первым своим дневником. Вяземский говорит о причинах, побудивших его начать дневник 1830 г. — и только. В. С. Нечаева, задолго до Е. В. Пермякова обратившая внимание на заинтересовавшую его запись Вяземского, прокомментировала ее значительно более точно: «Книжка, предназначавшаяся для выписок, была скоро превращена в дневник — *первый дневник Вяземского, который он вел в обычных (не путевых) условиях жизни*» (Вяземский-1963, с. 370; курсив наш). К тому же замечание Вяземского, переосмысленное Е. В. Пермяковым, может быть сопоставлено с другими подобными. Например, одну из своих более поздних книжек Вяземский открыл следующим замечанием: «Продолжаю мой дневник. Первую книжку кончил я 19-го октября» (Вяземский, т. X, с. 70). Эта запись была сделана 25 октября 1853 г.; если довериться ее буквальному смыслу,

то неизбежно придется сделать вывод о том, что первая часть дневника Вяземского относится к осени 1853 года.

- 15 См.: *Пушкин* <А. С.> Полн. собр. соч. Т. 13. <М.; Л.,> 1937. С. 225.
- 16 См.: Вяземский-1963. Любопытно, что «уточняя» мнения Л. Я. Гинзбург, которая рассматривала записные книжки и «Старую записную книжку» как единый текст», Е. В. Пермяков в последней по времени своей статье упорно не замечает работы В. С. Нечаевой, которая смотрела на этот вопрос уже с других позиций (Пермяков-1995, с. 466).
- 17 О жанровой структуре записных книжек и «Старой записной книжки» см.: Вяземский-1929, с. 43; Вяземский-1963, с. 353, 373—374; Гиллельсон-1963, с. 233; Гиллельсон, 360.
- 18 Вестник Европы. 1808. № 24. С. 258—261; 1809. № 17. С. 45—49; 1810. № 13. С. 63—66. В восьмом томе Полн. собр. соч. Вяземского в состав «Старой записной книжки» оказалась включена лишь первая заметка из этого цикла (см. также выше, примеч. 3).
- 19 РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 565. Л. 89. «Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива» печатались в РА начиная с 1866 г.
- 20 Очевидный анахронизм: «Безделки» начали печататься годом позже (см. выше, примеч. 18).
- 21 РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 110 об. Вяземский имеет в виду свою статью «Нечто о Ривароле» (Вестник Европы. 1810. № 13. С. 35—40).
- 22 РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1404. Л. 122.
- 23 Московский телеграф. 1826. Ч. XII. С. 37—42.
- 24 РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1169. Л. 1.
- 25 Московский телеграф. 1827. Ч. XIV. С. 90—95.
- 26 РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1169. Л. 7.
- 27 Литературный Музеум на 1827 год. М., 1827. С. 282—289.
- 28 РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1169. Л. 24.
- 29 Северные цветы на 1829 год. Спб., 1828. С. 218—230.
- 30 РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1169. Л. 29.
- 31 РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1169. Л. 1, 7.
- 32 РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 930 а. Л. 1; Ед. хр. 1169. Л. 1, 7, 24, 29.
- 33 РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 930 а. Л. 1.
- 34 РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1169. Л. 7, 24, 29.
- 35 Вяземский имеет в виду подготовленное Н. П. Барсуковым издание дневника А. В. Храповицкого (Храповицкий А. В. Дневник с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 года. По подлинной его рукописи, с биограф. статьей и объяснительным указателем Н. П. Барсукова. СПб., 1874). Ср. замечание Вяземского в письме к Барсукову от 23 июля/4 августа 1877 г.: «<...> а знаете-ли, для моего издания, а особенно для *памятной записной книжки* нужно Вам сделать à la Stroeff, или à la Grott, поименный и указательный перечень» (РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 168—168 об.).
- 36 РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 125—125 об.
- 37 Предложение Вяземского не нашло поддержки среди членов редакционной комиссии его собрания сочинений. 3 апреля 1876 г. Барсуков писал ему: «Предположение Ваше касательно издания Записной Книжки прежде прочих сочинений, мною было представлено на обсуждение Редакционной Коммисии, ее же Члены единогласно высказались против Вашего предложения. Тем более, что издание уже началось» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1404. Л. 123; ср. черновик этого письма: РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 535).

- 38 Литературная газета. 1830. Т. I. № 30. С. 243.
- 39 Так, например, за подписью «Князь Вяземский» были напечатаны мемуарные статьи «Характеристические заметки и воспоминания о графе Ростопчине» (РА. 1877. № 5. С. 69—78) и «Московское семейство старого быта» (РА. 1877. № 3. С. 305—314).
- 40 Публикацию в «Девятнадцатом Веке» Бартенев сопроводил примечанием, из которого следовало, что «Старую Записную Книжку» он получил от одного саратовского «любителя нашей старины, который однако не был автором» (Девятнадцатый век. Кн. 2. М., 1872. С. 219).
- 41 РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 170 об.—171.
- 42 РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 21 об.
- 43 РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 565. Л. 270 об. Впервые: Вяземский-1963. С. 349.
- 44 Ср.: Зорин А., Охотин Н. «Я пережил и многое и многих...». — Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 18.
- 45 РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 433 об.
- 46 См., напр., фрагменты, посвященные Екатерине II и ее эпохе (в т. ч.: Девятнадцатый век. Кн. 2. С. 252; РА. 1873. Кн. I. Стб. 1035; 1875. Кн. I. С. 468) или Павлу I (в т. ч.: РА. 1873. Кн. II. Стб. 1980), или «сказания» о старой Польше (РА, 1875. Кн. I. С. 295—296) и т. под.
- 47 См. об этом: Вяземский-1929. С. 27—29.
- 48 Случались у Вяземского и драматические размолвки с Бартеневым. См., напр., замечания Вяземского на публикацию в «Русском архиве» воспоминаний В. П. Бурнашева и А. О. Пржецлавского в письме к Бартеневу от 20 сентября 1872 г. (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 459—459 об.); ср. письма Барсукова к Бартеневу от 18 сентября и 10 октября 1872 г. (там же, л. 407, 429—430 об.), письмо М. Н. Лонгинова к Бартеневу от 21 октября 1872 г. (там же, л. 432—432 об.) и др. См. также: Зайцев А. Д. Петр Иванович Бартенев. М., 1989. С. 151.
- 49 РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 567. Л. 58. Письмо от 2/14 февраля 1875 г. Ср. в письме Вяземского к А. В. Никитенко от 14 апреля 1874 г. (Русская старина. 1892. Т. 76. С. 672—673).
- 50 Бартенев говорил об этом в одном из примечаний к публикации писем Пушкина к Вяземскому. См.: РА. 1874. Кн. I. Стб. 445. Письмо Пушкина от 5 ноября 1830 г., в котором было высказано пожелание об издании критических статей Вяземского, см.: Там же, стб. 443—445, а также: Пушкин <А. С.> Полн. собр. соч. Т. 14. <М.; Л.,> 1941. С. 122.
- 51 РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566. Л. 156 об.—157.
- 52 В то же время как-то неловко ограничиваться чисто голословными утверждениями. Вот некоторые из этих ошибок. Отрывок из «третьей» записной книжки при первой публикации в «Литературной газете», на которую неоднократно ссылается Е. В. Пермяков, не только не был «снабжен эпиграфом», не был подписан, но не был и озаглавлен (ср.: Пермяков-1994. С. 270, 272; Пермяков-1995, с. 472—473, примеч. 15). «Северные цветы на 1827 год» вышли не в 1826, а в 1827 г. (ср.: Пермяков-1994, с. 272). Выдержки из записных книжек печатались в изданиях Бартенева не под одним, а под несколькими заглавиями (см. выше, примеч. 2; ср.: Пермяков-1995, с. 473, примеч. 18; ср. также: Пермяков-1994, с. 272).

P.S. ОТ РЕДАКТОРА

Я не такая, я жду трамвая.
Старая ленинградская поговорка

Открывая на наших страницах полемику о записных книжках П.А.Вяземского, мы поступаем не по-карамзински, однако же вполне в духе Вяземского, вспоминая в старости в связи с посвященным ему экспромтом Баратынского «Войной журнальной бесчестит без причины//Он дарования свои <...>»: «Стихи очень милы. Но дело в том, что у меня была полемическая натура. Дмитриев и я принадлежали литературе 18-го века, в котором Вольтер и другие держались старозаветного закона: зуб за зуб и око за око. Впрочем и Пушкин входил в кулачный бой, когда задевали его. Но я именно иногда *без причины*, то есть личной, пускался в бой за мнение, за мысль, за школу» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1195. Л. 1).

К сожалению, как в литературных, так и в филологических спорах стороны не всегда могут удержаться, чтобы не переступить грань, отделяющую обсуждение «мнений и мыслей» от обсуждения «личностей», не перейти к тому «сформулированному некогда А.С.Пушкиным» аргументу русской критики, о котором упоминает Д.П.Ивинский. Для поэтов это вполне объяснимо: они ведь и спорят о том, кто из них «лучше». В филологах такая тактика выдает постмодернистский нарциссизм, представление об абсолютной самоценности собственных штудий, не связанной с категориями исследовательских достоинств. Я не говорю, что такая научная позиция недопустима или плоха — напротив, она хороша и человечна, но как любая другая может рассчитывать на понимание и уважение лишь будучи честно заявлена, а не скрывается за чем-то иным.

Вышедший весной этого года первый том «двуязычного журнала по русской и теоретической филологии» «Philologica» (Москва—Лондон, 1994 / Под ред. И.А.Пильщикова и М.И.Шапира) — интересное научное издание, вобравшее в себя ценные материалы и статьи высокого профессионального уровня. Вероятно, многие наблюдения авторов этого тома журнала окажутся востребованными в будущих ученых исследованиях; но само издание запомнится, очевидно, своей повышенной пафосностью с явным привкусом скандальности.

Краткое предисловие «Lectoribus nostris» (не только заглавие, но и все рубрики журнала — латинские, что выглядит весьма внушительно и даже несколько монструозно, давая при этом повод филологическим забавам при попытках перевода на русский: первый раздел — «Fundamenta», далее — «Opuscula» и т.д.) насыщено сетами на сегодняшнее бедственное положение русской филологии: «У нас нет «нормальной науки»: в подавляющем большинстве случаев литературоведческая продукция находится за пределами науки как таковой, а научное сообщество не в состоянии эту продукцию квалифицировать. Закреплению и воспроизводству кризисной ситуации способствует деградация научного быта: отсутствуют неформальные научные объединения, нет здоровой научной конкуренции, вымирают последние научные школы, фактически прервана научная традиция, но самое главное, не существует ни одного специального периодического издания, которое поддерживало бы стабильно высокий научный уровень». В этой смердящей атмосфере издателям «хотелось бы создать своего рода филологический «оазис» для бескорыстной научной деятельности всех, чьи идеалы не слишком расходятся с их собственными».

Как же не разойтись с идеалами? Частичный ответ содержит инструкция «Auctoribus nostris» в конце тома: «Нас интересует такая лингвистика, которая видит в языке прежде всего выражение смысла и манифестизацию культуры, и наоборот, для нас неприемлемо никакое литературоведческое построение, если оно не базируется прочно на данных языка в широком смысле слова». Идеал приятен и заманчив, как клятвы влюбленных, как предвыборная программа депутата. Но столь глубоко и синтетично сочинять пока мало кто умеет — большинство еще следует учить. Например, в открывающей том статье «Слово» члена редакционного совета журнала Ю.С.Степанова недостаточно внимания уделено перипетиям культурной истории — И.А.Пильщиков и С.Г.Болотов (член редакции) сопровождают статью своими «замечаниями и дополнениями», в которых указывают на слабые стороны исследовательского метода Ю.С.Степанова и приходят к выводу: «Такой подход по сути а н т и ф и л о л о г и ч е н , поскольку в

принципе исключает возможность понимания фактов культуры в их исторической уникальности». Не совсем ясно, зачем же открывать журнал «Philologica» демонстрацией «антифилологического» подхода — чтобы «разоблачить» его, памятуя, что «на ошибках учатся»?

Вот тут следует перейти к самому печальному. Дело в том, что желание учить и поучать других, сколь можно громче подавать сигналы об их ошибках, просчетах, недоработках, в сумме слагающихся в портреты недобросовестных, малоспособных губителей науки, — превалирует над пафосом позитивной работы и омрачает добытые в ее ходе результаты. Член редакционного совета журнала А.А.Илюшин в интервью «Книжному обозрению» откровенно называет «полемичность» центральной темой издания. Полемичность и научная принципиальность — вещи хорошие, только этим, как и любым другим, оружием следует пользоваться с умом.

«На одном из придворных собраний императрица Екатерина обходила гостей и к каждому обращала приветливое слово. Между присутствующими находился старый моряк. По рассеянию случилось, что, проходя мимо него, императрица три раза сказала ему: «Кажется, сегодня холодно?» — «Нет, матушка, Ваше Величество, сегодня довольно тепло», — отвечал он каждый раз. «Уж воля Ее Величества, — сказал он соседу своему, — а я на правду черт» («Старая записная книжка» П.А.Вяземского).

Конечно, если здесь усердное разоблачение чужих ошибок свидетельствовало о некоторой ограниченности старого моряка, то редакцией журнала двигали иные человеческие качества, но что лучше — это еще повод поспорить.

На страницах журнала постоянно встречаешь указания на «несколько десятков», «сотни» ошибок в работах разоблаченных предшественников. Создающаяся картина полного макабра подтверждает поставленный в предисловии общий диагноз ситуации. А ведь счет мог идти и на «тысячи», а то и «миллионы». Резервы к тому есть. Заявив установку на филологический синтетизм, редакторы сформулировали «важнейшее формальное требование, предъявляемое к авторам журнала, — безукоризненно точное сохранение графики, орфографии и пунктуации источника». Соблюдение этого требования создает неповторимый колорит издания: «яти», «еры», многочисленные «<sic !>». Мне более всего понравилось, сколь принципиален к собственному тексту А.А.Илюшин, давая свои стихи, например, так:

К себѣ манила <, > ихъ тая<, >

Перед нами, конечно, «обнажение приема», сигнал того, что даже к запятым можно относиться с иронией и игрой. Подобный взгляд симпатичен (филология вообще «веселая наука»), но как он может уживаться с таким высоким накалом мизантропической нетерпимости, когда этой самой запятой — да по голове?

Текстологическая корректность хороша; только не надо быть на нее «чертом», тем более превращать опечатки в критерий умственно-нравственных оценок. Опечатки, как бы это сказать, — такая вещь, от которой не застрахован никто (ср. произведенный взаимозачет Е.В.Пермякова и Д.П.Ивинского). В текстологии есть куда более серьезные проблемы. Даже и такие, которые не до конца осмыслены самими издателями журнала. Приведем фрагмент справки одного из редакторов об источнике публикуемого им текста М.М.Кенигсберга: «Печатается по беловому автографу (рукой Б.В.Горнунга) <...> Рукопись самого Кенигсберга, по-видимому, не сохранилась». Кому не известно, что «беловой автограф» — это не все то, что написано разборчиво и без помарок, что это даже и не всякое рукописание самого автора, не являющееся черновым (ср. «авторский список» и др.)? Конечно всем это известно, но допущенная оплошность показательна: знания азов текстологии еще не твердо закреплены и требуют повторения. Другой активный участник журнала полагает, что критерием в выборе редакций (вариантов) текста является их величина: предпочтительнее то, что длиннее. Впрочем, как указывается, это решение принималось редакцией коллективно. Подобные практические подходы заставляют оценить осторожность издателей, настаивающих на буквалистском воспроизведении всех цитируемых текстов; возможно, так оно в данном случае и лучше. Еще лучше, конечно, декларируя высокие цели культурного строительства, не заниматься разрушением.

Тем разрушением довольно тонкого и непрочного культурного слоя современной филологии, которому с упоением предаются создатели нового журнала. Перед нами вариант ратоборцев, которые, решив повоевать с недостатками, могут уничтожить вокруг все живое. Печально.

С.Панов